

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ В РУССКО-ШВЕДСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ ОТ СТОЛБОВСКОГО МИРА ДО РУССКО-ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ 1656–1658 ГОДОВ

И. В. Евграфова, Е. В. Пантелеева, А. И. Чепель

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Поступила в редакцию 18 апреля 2022 г.

Аннотация: в 1617 г. между Россией и Швецией был заключен Столбовский мирный договор. По его результатам северо-западные русские земли, населенные православными жителями, оказались во власти лютеранской Швеции. С этих пор в русско-шведском приграничье большое значение приобрели межконфессиональные противоречия, которые наиболее четко проявились в период русско-шведской войны 1656–1658 гг. Целью настоящей статьи является изучение межконфессиональных противоречий в мирное время и во время указанной войны. Делается вывод, что нахождение под властью лютеранской Швеции православного населения, которое компактно проживало на приграничной территории, значительно ослабляло обороноспособность границы и способствовало успехам русских войск в русско-шведской войне 1656–1658 гг. Анализ межконфессиональных противоречий изучаемого периода позволит глубже понять специфику взаимоотношений России и Швеции.

Ключевые слова: Столбовский мирный договор, Русско-шведская война 1656–1658 гг., русско-шведское приграничье, православие, лютеранство.

Abstract: in 1617, the Stolbovo peace treaty was concluded between the Russia and the Sweden. According to its results, the northwestern Russian lands, inhabited by Orthodox residents, fell into the power of the Lutheran Sweden. Since then, in the Russian-Swedish borderland, inter-confessional contradictions have acquired great importance, which most clearly manifested themselves during the Russian-Swedish war of 1656–1658. The purpose of this article is to study interfaith contradictions in peacetime and during this war. It is concluded that the presence of the Orthodox population under the rule of the Lutheran Sweden, which lived compactly in the border area, significantly weakened the defense capability of the border and contributed to the success of the Russian troops in the Russian-Swedish war of 1656–1658. An analysis of the interfaith contradictions of the period under study will allow a deeper understanding of the specifics of relations between the Russia and the Sweden.

Key words: Stolbovo peace treaty, Russian-Swedish war of 1656–1658, Russian-Swedish border area, Orthodoxy, Lutheranism.

В 1617 г., когда по Столбовскому мирному договору Швеция получила русские земли, населенные преимущественно православными жителями, Стокгольм оказался перед сложным решением: как примирить принцип конфессиональной шведской политики, предполагавший монополию лютеранского вероисповедания на всей территории государства [1, с. 132], с религией новых подданных шведской Короны?

Учитывая стремление и России, и Швеции к мирному сосуществованию, ведению регулярной взаимовыгодной торговли и даже к военно-политическому союзу [2, с. 171–172], отныне шведскому руководству в конфессиональной сфере на полученных по Столбовскому договору русских землях следовало действовать с оглядкой на Москву. Конфесси-

ональная напряженность на этих землях, и особенно вблизи новой русско-шведской границы, где общение разделенных рубежом бывших соотечественников было наиболее активным и регулярным и с трудом поддающимся властному контролю [3, с. 151], постоянно нарастала.

Само по себе постоянное проживание единоверцев, православных на территории инославного государства было делом ненормальным. С точки зрения представителей русских духовных и светских властей, общение с людьми иных вероисповеданий губительно для души православного человека [4, с. 71], поэтому вынужденное оставление большого числа православных под юрисдикцией лютеранского государства оценивалось не только как политическое поражение. Стремление русских дипломатов в ходе переговоров, предшествовавших подписанию Столбовского мира, добиться вывода всех православных с передаваемых Швеции территорий в русские преде-

лы не увенчалось успехом. Шведы руководствовались здесь в первую очередь прагматическими соображениями. Стремясь предотвратить запустение земель, они отказались отпускать крестьян, а также православных священников, резонно полагая, что вслед за духовенством в Россию потянутся и прихожане. В православной традиции отношения священника и его паствы развивались в рамках «покаянной семьи» – группы людей, регулярно причащающихся и исповедующихся у одного иерея, считавшегося их духовным отцом, с которым следовало поддерживать непосредственное религиозно-нравственное и житейское общение [5, с. 236–237]. Поэтому, чтобы предотвратить возможное разделение духовников и паствы линией новой границы, шведы и настояли на включении в Столбовский договор требования о том, что крестьянам и священникам строгойше запрещается покидать место жительства и они обязаны оставаться на своей земле, переходящей под власть шведской Короны [6, с. 437–438].

Непростая ситуация в приграничье дополнительно осложнялась еще и тем обстоятельством, что в России после Смуты стало появляться все больше иностранцев, которые, в частности, занимались обучением русской армии правилам ведения современной европейской войны. Вестернизация русской армии была вынужденной [7, с. 278], потому что военное противостояние периода Смуты, а затем и русско-польская (Смоленская) война 1632–1634 гг. обнаружили отставание России в военной области. Важнейшим партнером по проведению этих военных преобразований для России была Швеция, что сокращало возможности русской стороны в сфере выгодного для себя воздействия на православное приграничное население по ту сторону рубежа. При этом шведские власти сразу же стали брать православных священников на полученных по Столбовскому миру русских землях под твердый контроль, а некоторые представители православного духовенства по доброй воле вели среди паствы пропаганду и совершали конкретные действия в пользу новых, лютеранских властей [8, с. 44–45].

В России между тем недоверие к представителям других вероисповеданий только росло. С 1620-х гг. значительно усилилось скрытое давление, подталкивавшее обосновавшихся в России иностранцев к переходу в православие, и этот переход мог осуществиться исключительно посредством перекрещивания. Тем иностранцам, кто решался на этот шаг, обратной дороги не было. Отказ от православия являлся серьезнейшим государственным и церковным преступлением, а выезд из государства для новообращенных оказывался невозможным. Другой стороной медали была специфика русского законодатель-

ства и правосознания того времени, предусматривавшая тождественность значений таинства крещения и присяги царю, поэтому отрезанных границей единоверцев в Москве продолжали рассматривать по-прежнему как царских подданных [9]. Таким образом, население отданных Швеции русских земель поневоле оказалось между двух огней. Москва и Стокгольм, на международном уровне поддерживавшие и развивавшие добрососедские отношения, начали вести подковерную борьбу за умы и души жителей приграничья, и это противостояние существенно осложняло ситуацию в порубежных областях и взаимодействие государств на официальном дипломатическом уровне.

Невероятные доселе хитросплетения, образовавшиеся в отошедших к Швеции землях с православным населением, подчас приводили к тому, что русские церковные иерархи публично действовали вопреки политическим, государственным интересам. В ходе переговоров шведы гарантировали русской стороне не препятствовать отошедшим под власть шведской Короны православным в отправлении религиозных обрядов по их обычаю. Оказавшиеся на шведской территории православные священники получили право посещать по религиозным надобностям Великий Новгород. В 1618 г. митрополит новгородский и псковский Исидор своеобразно пытался повлиять на них, проклиная и обвиняя в нерешительности в критический момент. Исидор полагал, что священники должны были, вопреки условиям подписанного царем Михаилом Федоровичем Столбовского договора, не только сами уходить в русские пределы, но и уводить за собой паству, которая естественным образом, по мнению иерарха, потянулась бы за своими духовными наставниками [10, с. 82–83]. Призыв такого содержания, публично выраженный митрополитом, разумеется, вскоре в качестве упрека русскому правительству, был использован шведскими дипломатами, что, само собой, не способствовало едва начавшимся добрососедским отношениям. К тому же призыв сопровождался «проклятием», ставившим под вопрос церковное положение священнослужителей, пришедших за благословением для себя и своей паствы. Это «проклятие» еще больше усложняло и без того непростую жизнь православных в приграничье, оказавшихся под властью Швеции отнюдь не по своей воле. Отторжение со стороны русской церковной власти играло на руку шведам, давая им возможность на уровне дипломатических контактов демонстративно заступаться за своих православных подданных, увеличивая тем самым шансы воздействовать на священников в выгодном для интересов лютеранства направлении. Для успешного распространения лютеранства среди

православных требовалось минимизировать их связи с Россией, для чего шведскими властями, в частности, практиковалось сознательное затягивание с утверждением новых православных приходских священников взамен умерших [11, с. 137]. В 1622 г. шведский король Густав II Адольф и вовсе распорядился, чтобы на места умерших православных священников в приграничье не допускались выходцы из России. Со временем проблема нехватки приходского духовенства все же вынудила православных шведских подданных просить шведские власти разрешения принимать священников из России, но в ответ король предложил присылать священнослужителей, рукоположенных в Константинополе. Такой линии шведское правительство продолжало придерживаться и в дальнейшем [12, с. 210].

Приграничное противостояние, замешанное на антагонизме в конфессиональной сфере, разрасталось. Если уместно привести образное сравнение, то противостояние это, которое обе стороны старались, насколько возможно, не афишировать на официальном уровне, напоминало динамичную игру в пинг-понг, где соперник принужден очень быстро и постоянно реагировать на броски соперника. Вот лишь некоторые эпизоды этой завуалированной борьбы. В 1619 г., чтобы в том числе несколько сгладить впечатление у отрезанных границей православных от «проклятий» митрополита Исидора и уменьшить их шанс подпасть под лютеранское влияние, зарубежные священники получили от нового новгородского и псковского митрополита Макария уверение, что по приезде в Новгород они больше никогда не услышат «укоризненных слов» в свой адрес [13, с. 147]. В 1620 г. на территории шведской Ингерманландии местный дьячок попытался силой привести к присяге шведскому королю оказавшегося в этих местах новгородца [14, с. 32–33]. В 1624 г. царь Михаил Федорович указал приграничным русским воеводам утаивать от представителей шведских приграничных властей места обитания православных священников, перебежавших в русские пределы со шведской территории [8, с. 47]. В 1626 г. из русских владений на шведскую территорию перебежала православная царская подданная, вдова и вышла замуж за подданного шведского короля, исповедовавшего ту же веру. Когда русский воевода стал требовать выдать беглянку обратно, за нее вступился шведский приграничный комендант, воспротивившийся распаду новой семьи. Говоря о рождении новой православной «ячейки общества», комендант особо отмечал, что «поп русский именем Кондратий венчал их» [15, л. 129–133], тем самым подчеркнув, что православие никак не ущемляется на шведской территории, и там без проблем функционируют

православные храмы, где совершаются соответствующие обряды. При этом швед попенял русскому коллеге, напомнив, что и русские охотно принимают у себя перебежчиков со шведской территории, также позволяют им вступать в брак у себя, при этом зачастую перекрещивают лютеран в православие. Действительно, практика принимать (а в иных случаях даже удерживать) перебежчиков со шведской территории путем брака с переходом в православие была довольно распространенной. Так, перебежавших в 1620 г. на русскую территорию троих шведских подданных-лютеран в поместье у приютившего их русского землевладельца крестили в православие и выдали за местных русских «девок» [16, л. 244; 17, л. 1; 18, л. 2; 19, л. 1]. Такие случаи не были единичными, они нередко находили отражение в дипломатических документах [20, с. 75].

Важно отметить, что шведы старались вести в отношении своих православных подданных довольно гибкую политику. Так, шведские власти осознавали, что для удержания на своей территории православных крестьян, помимо православных священников, не лишними, а подчас даже необходимыми, будут именно русские православные землевладельцы, которые сохраняли бы русские обычаи и нравы. Эта роль отводилась так называемым «русским боярам», служившим шведской администрации еще в Смутное время и оставшимся на шведской территории после Столбовского мира. В таких случаях не требовалось передавать земли, населенные в основном православными крестьянами, помещикам с чужой для этих крестьян верой, чужим языком, чужими обычаями, и в этом случае шанс, что землепашцы не будут постоянно с ностальгией смотреть в русскую сторону, возрастал [21, с. 369–371]. Показателен и другой эпизод. Сразу после Столбовского мира некий Родион Лобанов получил от шведского короля грамоту на владение землями в Кексгольмском лене. Вскоре за преданную службу владения Лобанова были расширены, при этом он остался в православной вере. Благодаря этому, православная церковь на вверенных ему территориях продолжала действовать, по крайней мере, до 1660-х гг. Верный шведской власти чиновник оказался стойким приверженцем православия, и шведская администрация, очевидно, посчитала разумным не жертвовать сохраняемой во многом усилиями Лобанова лояльностью местного населения [22, с. 60–62].

Однако, если с православными приходами в своих владениях шведам приходилось смириться, то абсолютно излишним, с точки зрения лютеран, было существование монастырей, и потому Столбовским договором всем монахам дозволялось покинуть шведские пределы. Несмотря на это разрешение, монасты-

ри в отошедших к Швеции русских землях остались [23, с. 85]. В 1624 г. русские власти обвинили шведов в том, что многие монастыри запустели [16, л. 122]. С учетом отношения шведов-лютеран к институту монашества, шведские власти, вероятно, не препятствовали запустению монастырей. Этому процессу, очевидно, способствовало лишение монастырей какой-либо материальной поддержки. Отсюда – их упадок, приводивший, в свою очередь, к закрытию обителей и миграциям монахов. Такое как минимум безразличие властей к монастырям было непривычно для насельников. Но так ли прямолинейно было отношение шведов к инокам? В 1621 г. Иона, игумен Озерского монастыря, находящегося в контролируемом шведами Гдовском уезде, сумел наладить почти дружеские отношения со шведской администрацией, представителей которой он приглашал «на пир» [24, л. 158–159]. Очевидно, что декларируемая шведскими властями неприязнь к монахам не всегда напрямую влияла на реальные взаимоотношения приграничной шведской администрации с иноками, и эти взаимоотношения определялись зачастую прагматическими соображениями.

В идеале шведы стремились распространить среди своих новых православных подданных лютеранство и действовали здесь системой льгот и убеждением, и все же считалось, что шведский король, как христианский государь, призван использовать свою власть, чтобы истинное лютеранское вероучение без помех проповедовалось среди его подданных [13, с. 210–213]. Поначалу шведские власти принялись просвещать новых подданных, доказывать им преимущества лютеранства перед православием и стремились действовать здесь через православных приходских священников, которым за эту работу полагались определенные льготы [25, с. 591–592]. Кроме того, к службе в приходах привлекали наиболее грамотных русских-мирян или знающих русский язык финнов, которые должны были постичь основы лютеранской веры, а затем проповедовать ее среди других православных, которых убеждали посещать лютеранские церкви и слушать проповеди на русском языке. Шведы планировали также либо создать на шведской территории собственную православную митрополию, либо посвящать священников в сан в какой-либо существующей митрополии, находящейся вне пределов Московского государства [1, с. 133–134].

Вероятно, стремление оторваться от России в церковных делах и заменить прежних священников новыми диктовалось не только вполне закономерным желанием поставить бывших царских подданных под контроль лояльных новой власти пастырей, но и недостаточным количеством грамотных русских

священников, способных читать Катехизис [5, с. 261]. Однако путем ротации кадров создать сеть православных по форме приходов, где бы «в мягкой форме» проповедовалось лютеранство, шведам не удалось, а отказ привлекать духовенство из России серьезно обострил проблему нехватки православных священников в шведских владениях. В результате усилилось давление православного населения на приграничные заставы с просьбами беспрепятственно пропускать их на русскую сторону для общения с «отцами духовными» [26, с. 432]. Если такие разрешения выдавались неохотно, то православные жители шведской территории приглашали к себе с русской территории так называемых «перехожих священников», которые обыкновенно нанимались служить на какое-то время в церковь или приходили лишь для совершения конкретных обрядов [5, с. 67]. Такие несанкционированные переходы становились все более регулярными, и шведские власти периодически даже угрожали вешать таких священников прямо в приграничной зоне [10, с. 209]. Однако угрозы действовали слабо, и переходные «попы» вновь и вновь «своим церковным строем в ризах и во всей службе» появлялись в приграничье, крестили детей православных шведских подданных, отпевали усопших, совершали другие обряды [27, л. 5 об.]. По понятным причинам особенное недовольство вызывало у шведов крещение в православие детей. Ведь именно они были той группой населения, которую значительно легче было обучить и затем обратить в лютеранскую веру, чем их родителей, имевших сложившиеся представления об истинности веры.

Межконфессиональные противоречия с особой остротой проявились во время вооруженного противостояния России и Швеции в 1656–1658 гг. Эта война – первое выступление против Швеции, получившее в русской риторике отчетливо религиозный отпечаток: сам патриарх Никон призывал божью кару на «лютеран-еретиков» [28, с. 103]. Шведы серьезно отнеслись к этому «крестовому походу». В разгар войны, в феврале 1657 г., шведский король требовал от своих послов, отправленных в Россию, с особым уважением относиться к православному духовенству, чтобы пресечь распускаемые австрийскими иезуитами слухи, будто шведы стремятся искоренить православную веру на отторгнутых от России территориях [29, с. 338]. Как религиозную оценивают эту войну финские и прибалтийские историки, утверждая, что многие из «угнетенных и озлобленных православных» шведских подданных вступили в русские войска [30, с. 190]. Руководствуясь царскими указами, русские воеводы, вступившие в шведские пределы, сумели вовлечь многих православных подданных

шведской короны с оружием в руках выступить против войск своего лютеранского правителя, тут же приводя их к присяге царю [31, с. 507]. Однако добровольность присяги в условиях боевых действий остается под вопросом. Успешно наступавшие русские воеводы действовали не только убеждением, некоторые превратили войну в «крестовый поход», с крещением в православие и присягой царю шведских подданных, в том числе и пленных [32, с. 215]. Подобные действия зачастую охотно поддерживались местными жителями. В шведском документе от июня 1656 г. сообщается, что православное население шведских земель присоединяется к русским войскам и убивает тех шведских подданных, кто не желает креститься заново и не присягает царю [33, с. 59]. В подобных обстоятельствах альтернативой переходу в православие и под царскую власть оставалось подчас только бегство [34, с. 269]. В то же время только крещение в православие означало для человека иной веры, готового перейти на царскую службу, уравнивание в правах с русскими подданными «того же чину» [4, с. 5].

Во время войны царское правительство с помощью религиозной риторики пыталось проводить свои интересы также через задержанных на русской территории православных торговцев – шведских подданных. Им предлагалось, «помня Бога и веру нашу истинную благочестивую христианскую и души свои», отправить от себя посланцев в Швецию, чтобы там подговорить «свою братью русских людей» открыть ворота шведских крепостей царским ратным людям [35, л. 62].

Напряженные отношения между православными и лютеранами в период вооруженного конфликта отразились в условиях Валиесарского перемирия 1658 г. Оба монарха обязались не препятствовать оказавшемуся под их властью населению в отправлении религиозных обрядов «по их вере», однако шведы высказали русской стороне претензию за насильственное крещение в православие лютеранского населения на шведской территории [36, с. 271]. Уже в июле 1659 г., когда дело дошло до обмена пленными, шведский посланник возмущался, что русские, чтобы не возвращать пленников, их «в свою веру перекрестили и нам назад тех отдать не хотят» [37, л. 1]. В итоге шведы все же пошли на уступки: в Кардисском мирном договоре 1661 г. стороны пришли к соглашению, что русская сторона может не выдавать тех шведских пленников, которые добровольно приняли православие в России [38, с. 544], хотя определить «чистоту» этого перехода в православие было затруднительно.

По мнению некоторых исследователей, одним из результатов религиозного противостояния в пе-

риод русско-шведской войны 1656–1658 гг. стало укрепление положения православной церкви в Швеции [39, с. 56]. Однако другие авторы утверждают, что от Столбовского мира до русско-шведской войны 1656–1658 гг. в землях, полученных Швецией в 1617 г., число православных неуклонно уменьшалось. По их подсчетам, в землях шведской Ингерманландии (русская Ижорская земля) в первые десятилетия становления приграничья, в период с 1617 по 1650 г., число православных уменьшилось следующим образом: в Ивангородском лене – с 91 до 65 %; в Ямском лене – с 98 до 82 %; в Нотебургском лене – с 63 до 36 %. В целом, к 1650 г. православные в Ингерманландии составляли 57,3 % против 41,6 % лютеран, и только после русско-шведской войны лютеране в Ингерманландии превзошли православных по численности [1, с. 132]. Собственно, эти показатели не противоречат друг другу. Очевидно, шведы, потеряв в ходе войны немалую часть православного крестьянского населения, ушедшего или уведенного в русские пределы, решили не обострять ситуацию. Дальнейшее запустение пахотных земель, которыми Швеция была крайне скудна, было опасно для этого северного государства, которое к середине XVII в. хоть и находилось на пике военного могущества, но в то же время вынуждено было оборонять обширные для небогатого государства территории, завоеванные в результате тяжелых войн [40, с. 108].

ЛИТЕРАТУРА

1. Толстикова А. В. Православное население Ингерманландии глазами шведской администрации : соотношение этнического и конфессионального аспектов (XVII в.) / А. В. Толстикова // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии : тезисы докладов : в 2 ч. – М., 2004. – Ч. 1. – С. 132–134.
2. Коваленко Г. М. Столбовский мир : поражение или успех российской дипломатии? / Г. М. Коваленко // Новгородский исторический сборник. – 2017. – № 17 (27). – С. 165–172.
3. Чепель А. И. Диалог через границу : русско-шведская борьба за подданных после заключения Столбовского мира / А. И. Чепель // Диалог со временем. – 2009. – № 29. – С. 147–162.
4. Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века : правовой статус и реальное положение / С. П. Орленко. – М., 2004. – 343 с.
5. Стефанович П. С. Приход и приходское духовенство в России в XV–XVII веках / П. С. Стефанович. – М., 2002. – 349 с.
6. Видекин Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / Ю. Видекин. – М., 2000. – 653 с.

7. Бочкарев А. С. Дезертирство и сыск беглых солдат олонечских полков «нового строя» в 1660-е гг. / А. С. Бочкарев // Петербургский исторический журнал. – 2019. – № 3. – С. 277–288.

8. Чепель А. И. «Заставу учал было обходить лесом» : шведско-русское приграничье после Столбовского мира / А. И. Чепель // Новый исторический вестник. – 2010. – № 2 (24). – С. 43–50.

9. Опарина Т. А. Брак и свобода веры : зависимость религиозного выбора британок в России первой половины XVII в. от их семейного статуса / Т. А. Опарина // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. – М., 2008. – Вып. 23. – С. 81–117.

10. Россия и Швеция в первой половине XVII века : сб. материалов / сост. К. Якубов. – М., 1897. – 493 с.

11. Мыльников А. С. Картина славянского мира : взгляд из Восточной Европы : представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII в. / А. С. Мыльников. – СПб., 1999. – 398 с.

12. Толстиков А. В. Русское православие в свете шведской лютеранской теологии (первая половина XVII в.) / А. В. Толстиков // Мозаика : фрагменты истории шведской культуры. – М., 2006. – С. 209–227.

13. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук : в 4 т. – СПб., 1836. – Т. 3. – 554 с.

14. Селин А. А. Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. / А. А. Селин // Староладожский сборник. – СПб.; Старая Ладога, 2000. – Вып. 3. – С. 29–36.

15. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 96. – Оп. 1. Реестр 2. 1626 г. – Д. 1.

16. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 96. – Оп. 1. Реестр 2. 1624 г. – Д. 1.

17. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 94.

18. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 107.

19. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 801.

20. Курсков Ю. В. Русско-шведские дипломатические контакты и развитие общественной мысли России в середине XVII в. / Ю. В. Курсков // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии : тезисы докладов : в 2 ч. – М., 1986. – Ч. 1. – С. 74–76.

21. Пересветов-Мурат А. И. Из Ростова в Ингерманландию : М. А. Пересветов и другие русские *vaijog*'ы / А. И. Пересветов-Мурат // Новгородский исторический сборник. – СПб., 1999. – Вып. 7. – С. 366–378.

22. Петрова М. И. Тиурула – 500 лет : очерки истории / М. И. Петрова, И. В. Петров // История и культурное наследие Северного Приладожья : взгляд из России и Финляндии : материалы Второй междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения из-

вестного музейного деятеля и краеведа Северного Приладожья Т. А. Хаккарайнена и 375-летию Сортавалы. – Петрозаводск, 2007. – С. 59–67.

23. Селин А. А. Шведская оккупация Ингерманландии и монастырское строительство в Новгородской земле / А. А. Селин // Ладога и Северная Европа : Вторые чтения памяти Анны Мачинской : материалы к чтениям. – СПб., 1996. – С. 84–87.

24. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 96. – Оп. 1. – Реестр 2. 1621 г. – Д. 1.

25. Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований / Д. В. Цветаев. – М., 1890. – 782 с.

26. Дела Тайного приказа : в 4 т. – Л., 1926. – Т. 4. – 554 с.

27. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. – Колл. 2. – Оп. 1. – Д. 28.

28. Кан А. С. Швеция и Россия – в прошлом и настоящем / А. С. Кан. – М., 1999. – 359 с.

29. Форстен Г. В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648–1700) / Г. В. Форстен // Журнал министерства народного просвещения. – 1898. – Апрель. – С. 321–354.

30. Йокиппи М. Прибалтийско-финские народы : история и судьбы родственных народов / М. Йокиппи. – Ювяскюля, 1995. – 504 с.

31. Акты Московского государства : в 3 т. – СПб., 1894. – Т. 2. – 773 с.

32. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. – Великий Новгород, 2003. – 255 с.

33. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. – Петрозаводск, 1956. – 79 с.

34. Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в русско-шведской войне 1656–1658 гг. / С. С. Гадзяцкий // Исторические записки : в 138 т. – М., 1941. – Т. 11. – С. 247–278.

35. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 96. – Оп. 1. Реестр 2. 1656 г. – Д. 1.

36. Селин А. А. Русско-шведская граница (1617–1700 гг.). Формирование, функционирование, наследие : исторические очерки / А. А. Селин. – СПб., 2016. – 859 с.

37. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук. – Ф. 109. – Оп. 1. – Д. 728.

38. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : в 45 т. – СПб., 1830. – Т. 1. – 1029 с.

39. Таркиайнен К. Финляндия : образ восточного соседа времен Московского царства / К. Таркиайнен // Россия и Финляндия : проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. : материалы российско-финляндских симпозиумов историков. – М., 2006. – С. 48–59.

40. Иволина Л. И. Падение Шведской империи и международные отношения в Европе конца XVII – начала XVIII вв. / Л. И. Иволина // Исторический формат. – 2015. – № 3 (3). – С. 107–119.

*Санкт-Петербургский государственный морской
технический университет*

*Евграфова И. В., кандидат педагогических наук,
декан факультета естественнонаучного и гуманитарного образования*

E-mail: fengo@smtu.ru

*Пантелеева Е. В., кандидат философских наук, доцент
кафедры истории и культурологии*

E-mail: history@smtu.ru

*Чепель А. И., кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и культурологии*

E-mail: achepel@mail.ru

*State Marine Technical University of St. Petersburg
Evgrafova I. V., Candidate of Pedagogical Sciences,
Dean of the Faculty of Natural Science and Humanities
Education*

E-mail: fengo@smtu.ru

*Panteleeva E. V., Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the History and Culturology Department*

E-mail: history@smtu.ru

*Chepel A. I., Candidate of Historical Sciences, Associate
Professor of the History and Culturology Department*

E-mail: achepel@mail.ru